жается известной «золотой пропорцией» или «формулой красоты».

Горит костер на темном побережье.
Горит вдали от дома моего.
Я стал другим – ну разве мог я прежде
На расстоянье греться от него…

Убедителен образ постепенного восхождения к пониманию целостности мира. В гармоничном, согретом божественным теплом мире и сердце становится сверхпроводимым, сверхчувствительным, отзывчивым, способным уловить свет далекого костра, видящим золотые пропорции бытия.

«Золотое сечение» в поэзии Пушкина, Лермонтова и других русских поэтов исследовано литературоведами, которые, сопоставляя количество строк и строф в стихах поэтов-классиков, находили формальные аналогии с последовательностью Фибоначчи, в сопоставлении с композициями великих художников. Может быть, нечто подобное присуще и поэзии Геннадия Иванова, но явные «золотые пропорции» формируются её смыслами, её «трансцендентной целостностью, охватывающей все масштабы бытия» (М.В. Быстров). Масштаб, соотношение – характеристики нареченного Леонардо да Винчи, но известного с античных времен, – закона «золотого сечения». Математическая формулировка золотой пропорции звучит сухо: если целое разделить на две неравные части, то отношение большей части к меньшей равно отношению целого к большей части. Если в живописи или архитектуре эту зависимость можно выразить формулой, то в поэзии – только почувствовать.

Порой мне кажется –
кругом идет творенье.
Земля творит, и небо, и река…
В любом кусте живет стихотворенье,
Еще для нас неясное пока.
И музыка творится, и движенье,
Поэма и картина – в каждый миг.
И райское объемлет землю пенье…
И вычитал я это не из книг.
Я это слышу в роще, вижу в поле,
В цветах и травах, в солнечном огне,
Во всей земной красе, в небесной воле…
Творится в мире, в слове, и во мне.

Мир, душа, слово – вот три составляющие «золотого сечения», видимого поэту. Интегрированием идей, формированием спектра акцентных образов поэт поясняет читателю свое видение «золотой организации» мироздания, пронизанного божественной любовью, ждущей встречного отклика от человека.

…При всех своих особенностях творчество Геннадия Иванова вписывается в классическую картину мира: «Золотая организация действительности торжествует повсеместно, начиная с нашей Солнечной системы и заканчивая пестиками и тычинками в ботанике. Её всеприсутствие выступает, в силу фундаментального принципа Кюри, как наблюдаемый след тотального и невидимого деятеля». Который предоставляет человеку свободу выбора – «встроиться в мир» или отказаться от него. По мысли философа Н.Ф. Лосского, переживание однобытия с миром возможно только в любви, это подтверждает и поэзия Геннадия Иванова.

О чём писать, когда достигнешь рая?
Сияет солнце много дней подряд –
Лучи в реке искрятся и горят,
А я брожу, от счастья замирая,
То у воды, то в роще, то в цветах…
О чём писать? О том, что жизнь прекрасна?
О том, как чудны песни райских птах?
О чём писать, когда тебе всё ясно…
Да ни о чём. Напишем ни о чём –
Что рай кругом, и клевер, и ромашки,
Что ласточка порхнула над плечом
И по воде скользнула без промашки.

Поэт блаженствует в лучах «солнца любви», к которому все должно стремиться. О нем писал философ Вл. Соловьев, оно озаряет великую поэзию Пушкина, понимавшего, как отметил доктор философских наук А.Л. Казин, что «золото не только благородный металл, а видимое сияние Божией славы», и «христианское приятие вселенной – есть прежде всего благодарность Творцу за свет жизни…». За «свет жизни» Пушкин отдал свою жизнь. Геннадий Иванов тоже борется. За что? А вот за это:

В этом мире хорошо и плохо,
В этом мире грустно и светло.
Но какая б ни была эпоха,
А зимой за окнами бело.
Снег идет так чисто, благодатно,
Делает пушистым все кругом,
Черные закрашивает пятна,
На стекло садится мотыльком.
Снежный воздух радостен для внучки!
Мы пойдем по снегу погулять.
«Дедушка, возьми меня на ручки».
Снег, Россия, внучка – благодать!

Как надо бороться, чтобы победить? Да, наверное, вот так…

Говорят, за звёздными огнями
День и ночь гремит военный гром:
Михаил-архистратиг с воями
Против князя тьмы с его числом…
Я о том доподлинно не знаю –
Знаю только: здесь вот, на земле,
Тьма на свет идёт, на знамя знамя, –
И сверкают молнии во мгле.
…Как они рассеяны печально,
Силы света. Но за ними – Свет!
Он их соберет, и не случайно
Им дарует торжество побед.

Тем убедительнее будет эта победа, чем более сплотятся «силы света», к которым поэт причисляет всех любящих Россию, верующих людей, несущих духовный свет. Много помогают духовному совершенствованию, сплочению сил духовной рати стихи Геннадия Иванова, исполненные веры в Бога, в Россию и в человеческие силы.

Причащение Россией

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

О поэзии Виктора Маняхина

Нельзя не отметить того, что в стихах современных авторов стали довольно редко встречаться строчки, рассказывающие читателям о реальной жизни сегодняшних людей, об их трудах, быте и жизненных проблемах. Читая стихи нынешних поэтов, отчётливо видишь, что они во многом переполнены почти исключительно абстрактными образами, совершенно не говоря с поклонниками поэзии об их реальной сегодняшней жизни. На этом фоне книга известного саратовского поэта Виктора Маняхина «Прихопёрье Родиной зову…» воспринимается как редкая для нашей поры *поэтическая биография*, которая шаг за шагом раскрывает перед читателями этапы жизненного пути самого автора, слившегося с лирическим героем, его личной жизни и трудовой деятельности. Чтобы познакомиться с судьбой Виктора Васильевича Маняхина, не нужно искать ни его биографических анкет, ни каких-то иных его справок, так как путь его жизни детально прописан в строчках собственных стихов. Берясь за своё поэтическое перо, он не ищет каких-то оригинальных тем и литературных поворотов, а просто пишет о том, что было в его личной жизни. Вот и свою книгу стихов о Прихопёрье он начинает со стихотворения «Родина»:

Родился я не здесь, в другом краю,
Где вместо снега
хлопок землю белит,
Но Прихопёрье родиной зову –
И не кривлю душой… На самом деле

Я счастлив, Прихопёрье,
что ты есть,
Что вырос я в твоих
душистых травах,
Что первая мальчишеская песнь
Была посвящена твоим дубравам.

За те мечты, что ты,
Хопёр, мне дал,
За свет луны,
что ночью сладко мучил,
В пятнадцать лет впервые я сказал,
Что этот край
в России самый лучший…

Виктору Васильевичу не нужно было придумывать себе какую-то яркую судьбу, так как реально проживаемая им жизнь является не хуже ни одного художественного сценария, не слабее никакого другого литературного романа или фильма. И эту свою подлинную жизнь он воплотил в стихи и поэмы, запечатлённые в поэтической книге «Прихопёрье Родиной зову…», которая вышла в свет в Саратове в «Приволжском издательстве». Вот о чём он писал в своих стихах без всякого вымысла, а просто рассказывая читателям о тех днях, которые легли в основу его подлинной жизни:

Да, я и кровью, и костями
Из той известнейшей семьи,
Что с давних лет
звалась «крестьяне»,
Неся тяжёлый Крест земли.

Я счастлив, что я той же веры
И что моя она по гроб,
Что мне пришёлся по размеру
Великий титул – хлебороб.

Свою крестьянскую работу, свои сельские будни, свой труд на родной земле Маняхин принял как суть самой жизни, как основу своей поэзии и прозы. Давая выход своим мечтам, страстям, чувствам и мыслям, Виктор Васильевич так писал в своих стихах, излагая на бумаге не воображаемые сюжеты, а ту реальную жизнь, которая его в действительности окружала:

Да, каждому – своё. А мне – вот это поле,
Вот этот двор, коровы, трактора…
Неведомая фермерская доля,
Как Измаил, берётся на «Ур-ра!».

Круг ежегодный: от паров до зяби,
От посевной до спелых колосков,
От половодья до осенней хляби,
От немоты до раскалённых слов…

Вынося на читательский суд поэтическую простоту своих стихов, Виктор Маняхин не ставит перед собой задачи удивить читателя, ошеломить его неожиданностью ярких метафор, гонясь за образностью таких поэтов, как Андрей Вознесенский, Виктор Соснора, Константин Кедров, Пётр Вегин, Евгений Евтушенко и целый ряд других авангардистов, модернистов, постмодернистов и прочих новомодных российских авторов. Для Маняхина ориентиром в поэтическом творчестве выступали и выступают по сей день не яркость и оригинальность, а только глубина и правдивость. И он прямо говорит своему читателю:

Я вовсе не пишу, не сочиняю,
Когда до боли стиснется в висках.
Из сердца я занозы вынимаю
И на листок кладу – к строке строка…

Думаю, здесь надо признать тот факт, что Виктор Маняхин вовсе не чурается каких-либо красочных художественных поэтических образов, они тоже присутствуют в его произведениях, но они у него совсем не такие, как, скажем, у тех же Вознесенского или Вегина, ну вот хотя бы как в этом стихотворении:

Над щетиной притихших погостов,
Над весенней умытой землёй
Поднимается солнечный остов
Золотистой пасхальной зарёй.

Всё затихло: и свара, и муза.
Опадает с небес благодать.
Только поступь слышна Иисуса
Где-то рядом, а где – не понять.

Или же вот такое ещё стихотворение Виктора Васильевича, которое я бы назвал «гимном гармошке», и которое само по себе является красивой поэтической метафорой. Вот оно целиком:

Над вечерним селом
стынут звёздочки-крошки,
По-над речкой туманная стелется гладь.
Как тепло и душевно
играет гармошка,
Ну умеет же кто-то
так сладко играть!

Покрывается грусть
золотою завесой,
И рассветом становится
летний закат.
Невозможно представить
Россию без песен,
Невозможно представить
село без девчат.

Стихи Виктора Маняхина просты и откровенны, прямы и глубоки, они возвращают читателей к тем родным истокам, где мы однажды начинали познавать свою жизнь, окружающую нас природу и нашу великую Родину. Стихи – это не просто выстроенные столбиками слова, перекликающиеся друг с другом, стихи – это сама музыка жизни, это звучание нашего народа, наполняющее наши души летающей над миром мелодией. И поэтический сборник Виктора Маняхина вплетает в эту мировую мелодию и виток своей собственной музыки:

Я из Байкала, как бокала,
Испил водицы ледяной.
Она тогда мне показалась
Обычной снежною водой.

Не знал я, молодой и шалый,
Что, не сказавши никому,
Меня Россия причащала
В тот миг к терпенью своему…

Поэзия – это и есть то волшебное средство, которое помогает человеку стать причастным к великой нашей стране, а такие поэты, как Виктор Маняхин, являются поистине проводниками на этом пути.

щий. Хоть в лидеры Артёму уже не успеть, вот в настоящие, думающие теоретики вполне возможно! Настоящие и думающие, то есть для людей. А если ближе познакомится, Бог даст, с такими совестливыми, мужественными защитниками Родины, как полковник Елисеев, генерал Крючков, Артём только окрепнет духовно и копнет жизнь глубже.

А одержимый писательством талантливый Вольф, чудом оставшийся вне схватки, напишет мудрое и честное произведение.

И ещё на одну мысль роман наводит. Как при Достоевском, детективная канва снова становится частью большой литературы, дружески протягивает руку художественно-философскому высказыванию.

При этом роман «Вольнодумцы» равно чужд и морализаторству, и революционности. Он обрисовывает жизнь и людей – какими автор их застал сегодня. Так что, в известной степени, это еще и роман-документ. Нашей сложной, порой парадоксальной эпохи. Хотя не сухой документ, не бесстрастный. За его документальностью улыбка чудится, горькая и нежная. Ведь теперь только читателю решать, что с этой жизнью, с этими людьми сегодня делать?.. А может быть, оставить все как есть? Можно даже попытаться пройти мимо. Правда, едва ли получится. И решать это людям, прочтут они роман или нет. Но лучше бы прочесть. «Печать добра и зла» горит в романе, это главное.

Тоска по русской старине

Олеся ТЕМИРШИНА

О романе Виталия Захарцова «Винтажъ»

Тоска по величественной русской старине – главная тема новой книги писателя Виталия Захарцова. В своем дебютном романе «Молодильник ЗИЛ…» этот автор обратился к фольклорным истокам русской культуры, главный герой первого произведения исследует замысловатый мир русской сказки, в которую нежданно «забрели» многие современные реалии, разрушив вековую гармонию «тридевятых царств». Кстати, в 2023 году дебютный роман писателя вошел в лонг-лист премии «Большая книга».

Второй роман Захарцова – это снова прорыв к старинным русским устоям, это попытка преодолеть оковы современности, сшить веков надорванную нить. При этом начинается произведение как своеобразный метароман: мы то погружаемся в жизнь молодого филолога Алексея Симутина, то оказываемся в реальности писателя Андрея Шульца, который пишет роман о Симутине. Однако со временем читатель задает себе вопрос: так кто о ком пишет? И кто здесь автор, а кто герой?

Такой странный «зачин», возможно, нужен автору, что показать расколотость и зыбкость пространства, в котором пребывают его персонажи. Миражность этого мира, вероятно, обусловлена самим пространственно-временным континуумом романа: события разворачиваются в тёмном и таинственном Санкт-Петербурге. Разумеется, из культурной памяти сразу всплывает весь миражный и двоящийся петербургский текст русской литературы. Так что здесь Захарцов явно наследует Гоголю, причем не только по части мистики, но и по части юмора.

Повествование, которое вначале кажется реалистическим, даже приземлённым, вдруг неожиданно – как по мановению волшебной палочки – преображается. И мы оказываемся словно в инобытии. Моментом перехода от быта к бытию, от бытового к трансцендентальному становится встреча Симутина с таинственной незнакомкой Альбиной. В момент этой встречи не только сам герой, но и весь город постепенно как бы уходят в прошлое, преображаются на новый (а, точнее, на старый) лад.

Уже к концу романа время как будто «откатывается» на полтора столетия назад, перед нами Петербург Пушкина и Гоголя, пространство классической русской словесности. Недаром автор так часто вплетает в свой текст скрытые цитаты из русской классики. Вот пример навскидку: «Это первое за время их общения «ты» ошпарило его, но даже не в этом резком переходе от пустого «вы» к сердечному «ты» было дело, а в том, ка́к она это сказала». Или другой фрагмент: «Интересно, а вот в данный момент я не узнаю́ Серого или, наконец, узнаю? Он это или не он? Тут впору ходить гоголем, бормоча: знаете ли вы Сергея Николаевича? О, нет, вы не знаете Сергея Николаевича! Да, широк человек! Однако улица его узка…».

Таким образом, Альбина, а еще её бабушка Варвара Иннокентьевна становятся для героя проводниками из современности (а роман начинается в нулевые годы XXI века) в мир старого Петербурга. В тексте немало «перемигиваний» с эрудированным читателем, который, вероятно, увидит подвох в ряде эпизодов, например, ближе к концу романа появляется такая фраза: «В недавно построенном Горном музее Варвара Иннокентьевна (в этот раз они гуляли втроём) познакомила их с создателем заведения, «концептуальным арт-мастером» Андреем Воронихиным».

Но позвольте! Петербургский горный музей создан в XVIII веке! Да и связанный с музеем Андрей Воронихин, который становится одним из эпизодических героев книги, умер еще в 1814 году!

Таких загадок для внимательного читателя в тексте немало. Так что это произведение вполне может быть названо романом-шарадой, который насыщен подтекстами, языковой игрой. Например, обращает на себя внимание двойничество: причем не только на уровне персонажей, но и на уровне эпизодов. Некоторые события происходят как бы дважды, что не может не натолкнуть на идею двоящегося мира: персонажи одновременно находятся и в наличной реальности, и некоем миражном Петербурге, приметы которого постоянно появляются на страницах этой книги. Например: «Колокольная встретила их тишиной и мелкой мрасью, которая, казалось, не с небес сыпалась, а прямо в воздухе возникала, выпадая из тайных пространственных карманов – из того параллельного Петербурга, который никогда не знал солнечного июня, а жил исключительно среди туч, мха и слизи».

К концу романа это преображение становится уже очевидным: «Трубы вдали дымят, крыши закопчённые, разъеденные кое-где горчичной влагой. И снова – древесина и красный кирпич, никакой штукатурки. «Продажа дровъ». А ещё какие-то облезлые ангары». Разве так выглядит современный Петербург? Однако главный герой Симутин как будто и не замечает этих перемен, находясь словно в мороке. Лишь после того, как он останется один, его глаза откроются… Впрочем, чтобы не портить впечатление тем, кто еще только собирается прочесть роман Захарцова, не будем раскрывать неожиданную концовку.

Нельзя не отметить также образность и афористичность повествования. Особенно здесь примечателен Сергей Безыменский, друг главного героя, как он сам представляется «секьюрирующий философ» (то есть работает он охранником). Сергей, пожалуй, самый яркий типаж этой книги. Чего стоят только его афоризмы: «Вечность – это подарок, который нельзя вернуть»; «только память и искусство имеют власть над временем. В выученном стихотворении эти две силы сходятся»; «Смерть – это антиметафора. То есть смерть – это место, где всё воочию явлено, и не нужно искать аналогий». Ну и как философ, он активно цитирует классическую философию. Вот, например, его «шпилька» по адресу Фридриха Ницше: «Если долго сидеть и вглядываться в бутылку, бутылка начинает вглядываться в тебя».

Словом, роман Захарцова – это увлекательный лабиринт, в котором так легко потеряться! Лабиринт этот создан филологом, что наложило на произведение отчетливой отпечаток классической книжной культуры. Он непрост для восприятия, но, думается, истинным литературным гурманам он должен прийтись по вкусу.

поисках нового пути

Лепещенко «Магнум, прощай!»

Столетие тому назад подобное же стремление к созданию литературы с новым языковым наполнением, порождённое тревожным ощущением обессмысливания бытия под прессом надвигающегося молоха глобализации, проявилось в знаковом для молодого писательского поколения той эпохи произведении Дж. Джойса «Улисс». Его художественные ценности следует рассматривать во вторую очередь, как и у Лепещенко, поскольку главным образом накопительная творческая энергия обоих писателей работает на создание нового литературного направления. Однако если в случае с Джойсом на стороне известного европейского профессора филологии стояла околдовывающая и искушающая магия имени, то только набирающий обороты российский писатель подобной льготы лишён.

И, продолжая рассматривать схожесть литературных процессов нынешних и вековой давности, вновь пришла пора вспомнить о Платонове. Его влияние на русскую прозу велико, в том числе и на всё тот же постмодернизм. И всё же при всём при этом после его ухода ощущается некая пустота, которая, как известно, наполняется по закону невозможности её существования. И сейчас в лице Лепещенко мы видим очередную попытку продолжения платоновского модернистского стиля в пространстве уже современной прозы. И опять возникает вопрос в оправданности нового эксперимента.

Что же касается философского наполнения книги, то глубинное содержание романа открылось по прочтении слов: «Тигр с ягнёнком очень мило уживаются в душе у русского человека». Это центральные слова книги. В некотором роде ключик, подобный тому, что разыскивал Карабас-Барабас, чтобы открыть таинственную дверь, и вольно или невольно заброшенный автором читателю для собственной отгадки. И тот, кто его заметил, узнаёт, что душа русского человека и станет центром поиска писателя. А какого поиска? – Основы русской цивилизации. В чём суть и её как таковой, и её жизнестойкости? Откуда черпает она свои силы сохранять неуступчивую устремлённость к справедливости?

Ответ на перечисленные вопросы главный для Лепещенко, и сюжет наличествует только лишь для раскрытия идеи, которая, увлекая его, вдохновляет на словесную импровизацию. И в итоге рождаются необычные опоэтизированные стилистические и смысловые абстракции. «Жизнь… отдать её обратно правде, земле и народу, – отдать больше, чем они получили от рождения, чтобы увеличился смысл существования людей…» – размышляет главный герой Псих. Он же переживает дальше: «А смерть… Смерть страшна чувством, что не стало главного добра, и уходишь, как похищаешь добро из мира, и оно сгинет в твоей груди…».

Подобные абстракции показательны для прозы Лепещенко. В них ещё ощущается тень присутствия других знаковых имён, но уже лишь тень. Мы видим, как постепенно раскрывается лепесток. И здесь самое время вернуться к Джойсу. По крупному счёту, писателю удалось проявить себя только в романе «Улисс». Однако своё дело он осуществил: новая писательская техника подхватывается преемниками, создающими школу потока сознания. Нам же сейчас интересно: останется ли проза Лепещенко штучным, как в случае с Платоновым, товаром или же из нового ручейка родится новое постмодернистское течение, лишённое элитарного апломба и питающееся соками самой что ни на есть настоящей земной жизни?